

Еврипид

Геракл

«Геракл» — трагедия великого древнегреческого драматурга Еврипида (480–406 до н. э.).

Отважный Геракл отправляется в Царство мертвых, чтобы совершить свой очередной подвиг — увести оттуда пса Цербера. Тем временем коварный царь Лик хочет погубить всю семью Геракла, но герой внезапно возвращается и убивает злодея. Но на этом испытания Геракла не кончаются — богиня Гера лишает его рассудка...

Другими произведениями Еврипида, дошедшими до наших дней, являются «Ифигения в Тавриде», «Финикиянки», «Ион», «Орест», «Вакханки», «Ифигения в Авлиде», «Киклоп», «Электра», «Елена».

Авторитет Еврипида в мировой литературе неоспорим. Его трагедиям спустя сотни лет подражали многие известные драматурги. Его бессмертные произведения переведены на разные языки мира.

Еврипид ГЕРАКЛ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Амфитрион (III)
Лисса (II)
Мегара, при ней три малолетних сына (III)
Вестник (III)
Хор фиванских старцев
Тесей (III)
Лик, при нем стража (I)
Геракл (I)
Ирида (I)

ПРОЛОГ

Задняя декорация представляет стену Гераклового дворца в Фивах, посредине большие ворота. Перед дворцом, на площади, большой каменный алтарь Зевса Спасителя. На его ступенях сидят Амфитрион, Мегара и дети .

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Амфитрион

Кому неведом муж, который с Зевсом
Любовь жены делил, Амфитрион
Из Аргоса, Алкид и внук Нерсея,
Геракла знаменитого отец?
Да, родом я из Аргоса, но в Фивах
Средь поколенья горсти земнородных,
Что в битвах уцелели из посева,
Мне довелось жить. Из крови спартов
Произошел и Менекеев сын,
Отец вот этой женщины, Мегары.
Давно ли, кажется, под звуки флейты,
Под звуки гимна брачного, который
Кадмейцы пели, в этот царский дом
Привел ее великий внук Алкея?
Он с нами жил недолго: и Мегару,
И новую родню покинув, весь
Горел желаньем он — в далекий Аргос
Уйти и овладеть стенами града
Киклопов, из которых был я изгнан,
Запятнанный Электриона кровью.
Чтоб смыть с отца позорное пятно
И воротить себе отцовский город,
Сын заплатил не дешево и подвиг
Для Еврисфея справил не один:
Всю землю он очистил от чудовищ...
Безумием ли был Геракл охвачен,
От Геры насланным, или к тому
Его судьба вела, — не знаю, право.
Теперь, когда, могучий, он осилил
Все тяжкие труды, в жерло Тенара
Его услали, чтоб из царства мрака
На свет он вывел пса о трех телах;

Герой пошел и больше не вернулся...
Я старое преданье здесь слышал,
Что в семивратных Фивах был когда-то
Царем могучий Лик, супруг Диркеи,
Которого сменили близнецы,
Зет с Амфионом, порожденье Зевса,
Владельцы белоснежных лошадей.
Так вот, потомок Лика, не кадмеец,
А выходец с Евбеи, тоже Лик,
Здесь только что убил царя Креонта
И мятежом истерзанные Фивы
Своей тиранской власти подчинил.
Мы, родичи Креонтовы, конечно,
В опале: новый царь замыслил кровью
Его детей смыть пролитую кровь...
Пока отца земные недра кроют,
Он ищет погубить его вдову
И сыновей, чтоб, возмужав, за деда
Не стали мстить, — да, кстати, и меня:
Должно быть, и старик тирану страшен.
А между тем, сходя в юдоль теней,
Герой мне отдал сыновей в опеку,
Жену и дом велел мне сберегать.
Что ж было делать мне? Я под защиту
Зевеса всю семью сюда привел.
И вот у алтаря мы приютились,
Что некогда воздвиг мой славный сын,
С победою вернувшись от минийцев.
Вы видите: без хлеба, без воды,
Нагие и босые, на холодной
Земле мы смерти ждем; а перед нами
Наш царский дом, забит и опечатан.
Спасенья не видать, и те друзья,
Что выручить могли бы нас, не стоят
Названия друзей, а верные и сил
Не соберут помочь нам — сами старцы.
Вот каковы несчастья — для людей!
Да не познает их, кто хоть немного
Ко мне питает жалости... а впрочем,
Узнать друзей помогут лишь они.

Мегара

(долго смотрит на Амфитриона)

Подумать, что и ты, отец, когда-то
Был славный вождь, что во главе дружин
Фиванских ты умел разрушить стены
Тафийские... О, как неясны смертным
Богов предначертанья! Разве счастье
Под отчим кровом мне не улыбалось?
Царевной я жила, довольством, блеском
И завистью людской окружена;
Отца семьей благословили боги...
А мой блестящий брак с твоим Гераклом?..
Где ж это счастье? Сгибло, стало прахом,
И только смерть теперь в глаза глядит
Тебе, старик, и мне, и Гераклидам,
Моим несчастным детям. А уж я ль
Птенцов неоперившихся под крылья

Не прятала? Поверишь, поминутно
Они меня расспросами терзают:
«Ах, мама, где отец? Чего не едет?
Когда ж он будет с нами?» Иль бегут
Его искать повсюду, точно в прятки
Играет с ними бедный их отец.
Придумаю ль угомонить их сказкой...
Куда там! Стоит двери заскрипеть,
Все, как один: «Отец, отец приехал!»
Бегут его колени обнимать...

(Гладит детей, которые к ней прижимаются, потом, помолчав, к Амфитриону.)

Ну что же, старец, может быть, придумал
Ты что-нибудь? О, если б хоть не выход,
Лишь слабый луч спасенья нам увидеть!
Бежать из города? Повсюду стража,
Ворота на запоре... А на дружбу
Надеюсь я не более, чем ты...
Но говори, отец, не бойся словом
Мне неизбежность смерти подтвердить!

Амфитрион

Дитя мое! Не подобают старцу
Несбыточные планы и гаданья.
Мы слабы, но зачем же нам спешить?
Ведь умереть, Мегара, мы успеем.

Мегара

Что ж, горя мало или жить так сладко?

Амфитрион

Да, сладко и надеяться и жить.

Мегара

Надеяться!.. Но где ж она, надежда?

Амфитрион

Переживи недуг — и будешь здоров.

Мегара

Переживи!.. Измучит неизвестность...

Амфитрион

Дитя мое... а если среди зол,
Объяввших нас, счастливый ветер снова
Подует нам? Супруг твой, сын мой милый,
Нежданный к нам вернется?.. Нет, Мегара,
Нет, дочь моя: ты — мать, так будь бодрей!
Утри глаза малюткам и старайся
Прогнать их детский страх веселой сказкой.
Поверь, Мегара, что и в жизни смерч,
Как в поле ураган, шумит не вечно:
Конец приходит счастьем и несчастьем...
Жизнь движет нас бессменно вверх и вниз,
А смелый — тот, кто не утратит веры
Средь самых страшных бедствий: только трус
Теряет бодрость, выхода не видя...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ ХОРА

Старики поднимаются по ступеням на сцену и начинают петь, когда еще большая часть зрителей их не видит; они в венках и поднимаются медленно, опираясь на посохи. Поднявшись, они располагаются по обе стороны алтаря. Корифей становится ближе к алтарю.

Хор

Строфа

Поднимайте меня, ноги слабые,
Ко дворцу высокому царскому!
Помогай ты мне, посох верный,
Добрести до старого друга.
Заведу я унылую песню,
Поседевшего лебеда песню...
Что от прошлого в старце осталось?
Точно призрак я, ночью рожденный,
Только голоса звук и остался...
Но пускай дрожит мое тело,
Не угаsla в груди моей верность
Обездоленным этим сиротам,
И соратнику дряхлому верность,
И тебе, что из ада супруга,
Горемычная мать, вызываешь.

Антистрофа

Поддержите ж меня, ноги слабые,
Не дрожите, колени усталые!
Я не конь, что крутым подъемом
С колесницей тащится в гору.
Ты возьми мою руку, товарищ!
Если ноги тебе изменяют,
За мою придержиcя одежду!
Пусть старик старику помогает.
Вспомним время, когда, молодыми,
Собирались мы тесной толпою
И, щиты со щитами сплотивши,
Потрясали мы копьями смело.
Мы достойными были сынами
Нашей славной в те годы отчизне,
Семивратным и царственным Фивам.

Эпод

В глазах у детей Геракла
Отцовская ярая смелость;
Отцовская, видно, и доля
Покинутым детям досталась.
Гераклу должны мы так много,
Что ж долга мы детям не платим?
Эллада, Эллада, каких
Могучих сынов ты теряешь!
Каких ты защитников губишь!

Корифей

Постойте, Лик сюда идет, тиран наш,
Сейчас он будет около дворца...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Лик в царской одежде; с ним вооруженная стража. Он приходит с той же стороны, откуда пришел и хор.

Лик

Амфитрион и ты, жена Геракла!
Как господин, я требую от вас,
И, кажется, я вправе это сделать,
Я требую, чтоб вы сказали мне,
Чего вы ждете здесь? Зачем влачите
У алтаря безрадостную жизнь?
Надежда есть у вас какая, что ли?
Иль, может быть, вы верите, что мертвый,
Сошедший в царство Гадеса, отец
Вот этих ребятишек возвратится?
Скажите, для чего весь этот плач
Пред неизбежной смертью? И зачем
Амфитрион хвастливо уверяет,
Что с Зевсом он любовь жены делил?
А ты, Мегара, будто муж твой — первый
Из эллинских героев? Да и удаль
Какая же убить змею в болоте
Да льва еще в Немее одолеть?
И задушил-то даже не руками,
Как хвастался, а в петле удавил.
Что ж? Я на этом основанье должен
Детей Геракла, что ли, пощадить?
Да что такое ваш Геракл, скажите?
Чем славу заслужил он? Убивая
Зверей... на это точно у него
Хватало мужества! Но разве взял он
Щит иль копье когда, готовясь к бою?
Трусливая стрела — его оружие,
Военное искусство — в быстрых пятках.
Да может ли, скажите мне, стрелок
Из лука храбрым быть? Нет, чтобы мужем
Быть истинным, спокойным оком надо,
Не выходя из воинских рядов,
Следить за копьями врагов, и мускул
В твоём лице пусть ни один не дрогнет...
(Обращаясь к корифею.)
Пожалуй, ты жестокостью корить
Меня готов, старик; но не жестокость,
Лишь осторожность в действиях моих:
Убив Креонта, деда их, не вправе ль
Я ожидать, что, возмужав, они
Отплатят мне за кровь отца Мегары?

Амфитрион

Пусть Зевс-отец Геракла защитит,
А я, старик беспомощный, лишь словом
Попробую невежество и дерзость
В твоих речах, тиран, разоблачить.
Порочить моего Геракла, и такой
Бессмыслицей порочить!.. Разве кто

Разумный трусом назовет Геракла?
Богов зову в свидетели, богов,
Что это и бессмыслица и дерзость.
Ту молнию и колесницу ту
В свидетели небесную беру я,
С которой он Гигантов поражал
Ужасных великанов земнородных,
Стрелы ударом верным, чтоб потом
Делить с богами славную победу.
А ты, жалчайший из тиранов, можешь
Спросить хоть у кентавров, — этих, что ли,
Разбойников четвероногих, пусть
Тебе укажут первого героя
По мужеству, и знай: услышишь имя
Тобою трусом названного, — да!
Отправься следом на свою Евбею
И там спроси: тебе не скажут «Лик»;
Не слыть героем Лику и в отчизне!
Затем, тиран, ты не хотел признать
От лука пользы: слушай и учися!
Гоплит — он в вечном рабстве у своих
Доспехов: сломится ль копье в сраженье,
Он беззащитен; будь с ним рядом трусы,
Храбрый из гоплитов пропадет.
Ну, а владелец лука может смело
Разить врагов: всегда довольно стрел
В его распоряженье для защиты.
А выстрел издали, когда врагу
Тебя не видно, и, прикрытый, можешь
Ты целиться? О Лик, вредить врагам,
Не отдавая тела супостату,
От случая при этом не завися,
Вот высшее искусство на войне.
Скажи мне лучше, царь, чем провинились
Перед тобою дети и за что
Ты хочешь их казнить? Я понимаю,
Положим, что детей героя мечь
Должна страшить ничтожного тирана.
Но неужели ж смелые должны
Платить за трусость властелина жизнью?
Нет, если был бы справедлив к нам Зевс,
То жалкий трус являлся б жертвой смелых.
А ты, коли действительно задумал
Царить над Фивами, зачем убить
Нас хочешь? Ну, отправь в изгнанье, что ли!..
Насилье ж даром не проходит, Лик,
И стоит счастьем тылом повернуться,
Чтоб из владыки жертвою ты стал.
О город Кадма древнего, у старца
Давно упрек на сердце для тебя!
Так вот какой наградой отплатили
Гераклу вы, кадмейцы!.. Позабыть,
Что некогда один он ополчился
За город на минийцев и свободу
Порабощенным Фивам возвратил!
А ты, Эллада, разве я молчаньем
Могу неблагодарность обойти
Столь низкую? Птенцов того Геракла,

Который море возвратил твоим
Сынам и смел с земли чудовищ хищных,
Ты оставляешь умирать. Я ждал бы
Процессии торжественной с огнями
И с копьями победными... Вы, дети
Несчастные, Эллада отвернулась
От вас и Фивы, и ко мне, ко мне
С надеждою вы взоры обратили?
Иль вы не знаете, что я лишь звук
Речей бессильных, только дряхлый старец?
О, если б мне былую юность, длань
Могучую, я б эти кудри Лику
Своим мечом окрасил в красный цвет,
Я за море копьем прогнал бы труса.

Корифей

Не будь вития, только честен будь,
И к мыслям ты подыщешь выраженья.

Лик

Давай тягаться, старый! Ты меня
Рази словами, я ж дойму вас делом.
Эй, люди, марш! Одни на Геликон,
Другие на Парнас и дровосекам
Велите лесу натаскать сюда:
Вкруг алтаря вы здесь костер сложите
И всех, как есть, сожгите их живьем!
Поймут небось, что в Фивах уж не мертвый
Царит, а настоящий властный муж.

(К хору.)

Вы ж, старики, остерегайтесь: если
По-прежнему вы станете со мной
Здесь спорить, уж не Гераклидов жребий
Придется вам оплакивать, а свой.
Попомните: я — царь, а вы — мне слуги!

Корифей

Чего ж вы ждете, спарты? Или вы
Забыли доблесть предков земнородных,
Тех предков, что когда-то сам Арей
Здесь вырастил, посеяв у дракона
Из жадных десен вырванные зубы?
Скорее все! Вверх посохи, что вам
Опорой служат, и тирану череп
Раскровените, чужестранцу, трусу
Бесправному, что назвался царем
И, нищий, завладел наследьем вашим!
Не для тебя трудились мы, тиран.
Иди разбойничать в свою отчизну!
И знай, пока я жив, я не отдам
Тебе убить детенышей Геракла.
Не столь глубоко он лежит, детей
Оставив, в мрачной пропасти подземной.
Лишь доброе я видел от него,
А ты, что разорил мое наследье,
Мешаешь мне в тяжелую минуту
Геракловым сиротам помогать.
Увы, рука, зачем копья ты ищешь?
Бессильна ты, и тщетен твой порыв.
Терпи, старик, когда тиран кичливый